

ПЕРЕЖИТОЕ**МЫ НЕ ТЕРЯЛИ
ВЕРУ**

Сложно, а порой трагически сложилась судьба многих первых пионеров и комсомольцев района. Сегодня мы публикуем воспоминания пионерки двадцатых годов Ниоры Ядрышниковой, ныне Долгун Анны Семеновны. Эти воспоминания нам любезно предоставила постоянный корреспондент газеты Ю. С. Чувакина.

Несколько слов об авторе воспоминаний. Родилась Анна Семеновна в Тюменцеве, в 1913 году. Училась в школе, в 1924 году вступила в пионеры, а через два года — в комсомол. В 1931 году ее семья была раскулачена, и она вместе с матерью выслана в Нарымский край. Сейчас Анна Семеновна мать четырех детей, живет в Томске. Она — «Заслуженный учитель школы РСФСР», награждена орденом «Знак Почета» и четырьмя медалями, на пенсии.

Наше звено носило название «Пчелка». Звеньевым был Петя Солодков, а отрядным вождем — Фили Чувакин. Много интересных дел было в то время у пионеров. Прежде всего мы обустроили школьную территорию — высадили тополя и сирень, огородили садик и ухаживали за посадками. Когда начался поход за грамоту, помогали учить неграмотных. Их в селе было очень много. Мне досталась левая сторона улицы Столбовой, так не хватило целой тетради, чтобы записать всех, кто не умел ни читать, ни писать.

Позже нам выделили пустовавший дом, и мы оборудовали его под клуб. Собрали книжки и организовали библиотеку. Здесь проводили громкие читки, готовили постановки, распространяли книги среди населения. Еще активнее стала наша обществен-

ная работа после вступления в комсомол. Жили интересно и наполненно.

И вот все внезапно прервалось. Страшным годом стал для меня тридцать первый. Нашу семью «раскулачили». Конечно, никакими кулаками мы не были. Я — комсомолка, мама, Анастасия Григорьевна, — активистка. Просто селу был доведен процент на раскулачивание, и его нужно было выполнять.

Трудно теперь вспоминать, что нам с мамой пришлось пережить в ссылке. Ведь когда нас, 13 мая, увозили из Тюменцева, нам запретили взять что-либо из вещей и продуктов. Помню, женщина, что везла нас по селу, кричала: «Я этих обобрала, как липку!».

Доставили нас на станцию

Черепаново, а оттуда — в товарных вагонах до Томска. Здесь, в дождь и слякоть, стали нас грузить в баржи, как скот. Но самое страшное было еще впереди. Довезли нас до деревни Порабель и здесь высадили на пустыре. Скопилось несколько тысяч человек. Много детей, старииков. Они первыми стали болеть от холода. Через двадцать дней нас снова погрузили на баржи и увезли по таежной реке в глухое место, совершенно необжитое.

Народ стал строить шалаши, палатки, а у нас с мамой ничего нет, ни ложки, ни чашки. Спасибо, приютили добрые люди.

В июле отобрали, кто поможет и направили прокладывать через тайгу дорогу. Изнурительный труд, мошка, но главное — голод. На день каждому давали по кружке овса... Скоро мне, как знающей грамоту, комендатура поручила вести учет людей нашего поселка. Одна из граф отчетности: «сколько умерло?». А умирало много, очень много. От голода, дизентерии. К осени морозам умерли малые дети лет до пяти и старики. И молодые не все выдерживали. Случалось, сходили с ума, другие накладывали на себя руки. У каждого поселка ссыльных — большие кладбища.

Удивительно, как много может вынести человек. Наш поселок начал отстраиваться. Лес носили на себе. Вначале появились ба-

раки на 5—6 семей, школа. Ловили рыбу, собирали ягоды. Зимой пришло новое несчастье — цынга. Но вскоре нашли средство от этой болезни. Ели черемшу. Трудно жили, но очень дружно. Помогали друг другу, чем только могли.

Вскоре произошли изменения и в нашей жизни. В поселке построили школу, и мы с мамой стали учительствовать. Пришлось много учиться самой. Но главное, всегда стремилась быть стойкой и доброй, учила этому детей. В 1937 году встретила хорошего человека, вышла замуж. Воспитали четверых детей, всем им дали высшее образование.

Много трудного и страшного пришлось нам пережить. Постепенно устроились мы на новом месте. Но до самого 1953 года терпели унижения. Ведь даже в соседний поселок нельзя было сходить без разрешения. Все прошло, все пережили. А самое замечательное — мы никогда не теряли веру в социализм. Хотя я не состою в партии, но всегда считала себя коммунистом. Это еще из Тюменцева, воспитано с пионерских лет. Вера в то, что справедливость восторжествует, помогала в самые трудные годы.

Я очень люблю жизнь. Трудно она сложилась, но то, что я выстрадала и выстояла, незабываемо.

А. ДОЛГУН.